

Спустившись с горы к реке, мы вышли на перекинутый через нее узкий пешеходный мостик с дощатым настилом и жердяными перилами. Идя по такому мостику, какой бы он ни был шаткий и скрипучий, нельзя не остановиться и не поглядеть на текущую у самых ног воду. Даже проходивший навстречу нам мальчишка с велосипедом загляделся на нее. Река тут неглубокая, вода в ней чистая, будто только что вытекла из родника,—желтое песчаное дно просвечивается далеко-далеко от моста, а возле моста каждая песчинка видна в отдельности, словно сквозь увеличительное стекло. Вольно течет здесь река, вся обнаженная, открытая солнцу, в низких луговых берегах, которые тут и там, спускаясь к воде, переходят в пологие песчаные пляжи. Только в одном месте, в стороне от города, лес темным и острым мысом подходит к крутому, нависающему над рекой берегу.

Туда катились береговой, вытопанной в траве тропинкой велосипедисты, обгоняя их, прыгал на кочках мотоциклист. И мы пошли туда, минуя небольшие окаймленные травой и мелкими кустиками и пляжи, где под растянутыми на колышках простынями гнездились и молодые парочки и папы-мамы со своими отпрысками. Василий Иванович сказал, что в старое время тут весь берег был захвачен местными фабрикантами, купцами и попами—каждый толстосум имел свой собственным пляж. Мы поднялись к старым соснам, стоящим высоко над рекой. С этой круто обрывающейся горушки видны были излучины реки, большой песчаный пляж, множество купающихся и загорающих на солнце людей. Были тут и удильщики, правда их было всего лишь два — по одному от каждой из двух разновидностей рыболовов-любителей, о которых я уже говорил. Один, стоявший на пляже в самой толчее купающихся, размахивал над их головами удочкой, как кнутом. Поминутно вытаскивая какую-то мелочишку, он кидал ее в стеклянную банку с водой и при этом победоносно оглядывался—вот, мол, какой добычливый. Другой, одиноко сидевший в стороне от пляжа, под кручей берега, обхватив руками колени и пригнувшись к ним, не спускал глаз с поплавок трех своих длинных, воткнутых в берег удочек. Этот ни разу не шевельнулся, так же как его поплавки, и всей своей согбенной фигурой выражал мрачную решимость дожидаться, пока начнет клевать крупная рыба, сколько бы для этого ему ни пришлось просидеть тут, под нависавшей над ним кручей. Мы с Василием Ивановичем выкупались, а потом, пока обсыхали на пляже, я поглядывал на обоих удильщиков и думал, что крупную рыбу мне все равно, видно, не удастся поймать—терпения не хватит сидеть, а ловить мелочь, размахивая удочкой, как кнутом,— занятие скучное и пустое. — Да-а,—протянул я со вздохом. Василий Иванович, должно быть, угадал мою мысль. — Какая тут, на пляже, ловля!—сказал он.